

Возвращение мастера

Имя Александра Александровича Алексева (Казань, 1901 — Париж, 1982) ещё в первой половине XX века включено зарубежными специалистами в число лучших 22 книжных иллюстраторов мира. А его знаменитое детище — игольчатый экран — предвосхитило появление компьютерной графики.

Возвращение художника на Родину началось с 90-х годов прошлого века. Ему посвящён сборник статей «Безвестный русский — знаменитый француз» родственницы художника, петербургской журналистки Елены Федотовой, вышедший в 1999 году. Сборник «Александр Алексеев. Диалог с книгой» издательства «Вита Нова» вышел в 2005-м. В книге «Рандеву. Русские художники во французском книгоиздании первой половины XX века» 2009 года и в монографии «Французские библиофильские издания в оформлении русских художников-эмигрантов (1920–1940-е годы)» 2012-го мною были представлены его лучшие книжные работы парижского периода. Впоследствии вышли солидные каталоги петербургского библиофила Марка Башмакова и московского коллекционера Бориса Фридмана, посвящённые искусству *livre d'artiste*. В Государственном литературном музее, в Московском музее современного искусства, в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, в «Кабинете книги художника» М. Башмакова в Эрмитаже, в выставочных залах Москвы, Петербурга, Уфы, Казани, Тулы проходили выставки гравюр и книг, иллюстрированных художником. Начиная с 2005 года в петербургском издательстве «Вита Нова» вышли романы «Братья Карамазовы», «Игрок» и «Записки из подполья» Ф. Достоевского, «Анна Каренина» Л. Толстого, «Доктор Живаго» Бориса Пастернака с иллюстрациями Александра Алексева.

О нём, покинувшем Россию в 1920 году и ставшем во Франции великим мастером, в постсоветской России были сняты и транслировались по телевидению два документальных фильма — режиссёра В. Непевого и с участием Н. Михалкова; замечу: во Франции телефильмов про русского художника снято значительно больше. За своё творчество А. Алексеев был провозглашён кавалером Ордена Искусств и Литературы.

В Российской империи в 10-е годы XX века Алексеев учился в петербургском Первом кадетском корпусе. Потом, начиная с 1917-го, были Уфа, Оренбург, Иркутск. Из Владивостока, куда добрался сложнейшими путями и где продолжал обучение в Морском училище, покинул Россию на учебном корабле «Орёл» вместе с такими же, как он, гардемаринами. Спустя почти два долгих года — через Японию, Китай, Индию, Египет, Англию — оказался в 1921 году в Париже, став, благодаря рекомендательному письму И. Библина, полученному в Египте, учеником и помощником С. Судейкина. В 1922–1925 годах работал декоратором во многих парижских театральных труппах. Посещал занятия в Академии Гранд-Шомьер. В 1923 году женился на актрисе труппы Ж. Питоева Александре Гриневской, вскоре тоже ставшей художницей. По признанию самого Алексеева, техника работы театрального декоратора способствовала его увлечению графикой, гравюрой, что подтолкнуло к иллюстрированию книг, а затем привело в киноанимацию.

С 1925 года при поддержке поэта-сюрреалиста Ф. Супо и издателя Ж. Шифрина Алексеев стал получать заказы на иллюстрирование книг. Первые его опыты в этой области связаны с техникой торцовой гравюры — «Аптекарьша» Ж. Жироду (1926). В конце 1920-х годов с иллюстрациями молодого успешного художника вышли малотиражные издания французских переводов гоголевских «Записок сумасшедшего» («Journal d'un fou», 1927), пушкинских «Пиковой дамы» («La Dame de pique», 1928) и «Повестей Белкина» («Les recits d'Ivan Petrovitch Bielkine», 1930). В 1929 году в Париже тиражом 100 экземпляров была издана одна из наиболее значительных графических работ Алексеева — цикл из ста иллюстраций к «Братьям Карамазовым» Достоевского. В образах главных персонажей ему удалось передать

экзистенциальный раскол мира Достоевского. Монументальный графический цикл к «Дон Кихоту» Сервантеса издан в Париже спустя много лет после смерти художника. Непревзойдённый талант иллюстратора проявился у Алексева и в гравюрах к новеллам Э. По, сказкам Х. К. Андерсена, стихотворениям в прозе Ш. Бодлера, романам Л. Н. Толстого и Б. Л. Пастернака. Работы Алексева к произведениям русских и французских писателей относятся в большинстве случаев к особому типу издания — «книге художника», высоко ценимой искушёнными библиофилами.

Алексеев изобрёл новый способ съёмки анимационных фильмов — с помощью игольчатого экрана, а в 1933 году вместе с ученицей и будущей женой американкой Клер Паркер (1906–1981) реализовал это изобретение в восьмиминутном анимационном фильме «Ночь на Лысой горе» на музыку М.П. Мусоргского. В 1940 году Алексеев переехал в США, однако после войны вернулся в Париж, где продолжил работать над анимационными фильмами — «ожившими гравюрами»: «Нос» (по повести Гоголя, 1963), пролог и эпилог к фильму «Процесс» по роману Ф. Кафки (режиссёр О. Уэллс, 1962), «Картинки с выставки» и «Три темы» на музыку Мусоргского (1972, 1980).

Среди значительных графических работ Алексева послевоенного времени — иллюстрации к «Слову о полку Игореве» («Chant du prince Igor», 1950), «Искушению Запада» («La tentation de l'Occident») А. Мальро (1979). С помощью игольчатого экрана он исполнил графические циклы к «Доктору Живаго» Пастернака (1959), «Запискам из подполья» и «Игроку» Достоевского (1967). К роману «Доктор Живаго» на игольчатом экране было создано за четыре месяца 202 иллюстрации. Из воспоминаний Алексева: «Когда я прочёл роман Пастернака, он произвёл на меня потрясающее впечатление. Я испытал совершенно отчётливое чувство, что после сорока лет молчания мой пропавший старший брат прислал мне письмо на 650 страницах».

С иллюстрациями Алексева вышло более пятидесяти книг. Особое место в его творческом наследии занимает цикл иллюстраций — 120 акватинт — к «Анне Карениной» Л. Н. Толстого, выполненный в 1951–1957 годах. Эта работа впервые издана

в Париже в 1997 году тиражом 20 экземпляров в виде папки эстампов. В июне 1997 году на аукционе «Сотбис» она «ушла» за 11 550 фунтов стерлингов, или 18 860 долларов США. Книги с иллюстрациями художника весьма востребованы на антикварно-букинистическом рынке. Их собирают не только библиофилы из разных стран, но и многие крупные музеи и библиотеки, стремящиеся создать представительные подборки этих изданий.

Сегодня в России переизданы далеко не все книги с иллюстрациями признанного мастера, хотя в последние годы в Москве выпущены «Лунные картинки» Андерсена (2016), а в Оренбурге — «Сибирские ночи» Ж. Кесселя (2018). Ждут своего издания на русском языке и другие значительные графические работы художника — «Дон Кихот» Сервантеса, проза Пушкина и Гоголя, новеллы Э. По и стихи в прозе Бодлера — каждому из этих великих произведений Александр Алексеев дал оригинальное графическое прочтение.

Эта книга — первое серьёзное жизнеописание драматической и остросюжетной судьбы (дополненное вдумчивым анализом графических работ) большого русского художника, шестьдесят лет творившего вне России, но никогда о ней не забывавшего.

Хочется, чтобы российский читатель узнал и полюбил замечательного мастера, оценил его уникальное творчество, пронизанное любовью к далёкой Родине и памятью о ней. Недаром написанные незадолго до добровольного ухода из жизни воспоминания знаменитый художник озаглавил «Забвение, или Сожаление, записки петербургского кадета», опубликованные у нас в переводе на русский в 2002 году.

Александр Алексеев — своеобразный Леонардо да Винчи в искусстве книги и кинематографе своей эпохи: он не боялся экспериментировать, не боялся идти вперёд, отдавая всего себя искусству, которому служил.

Михаил Сеславинский

Как нам открывался Александр Алексеев

В Ницце, за большим столом в гостиной, мы разглядывали книгу сказок Андерсена «Лунные картинки», изданную на французском в оккупированном немцами Париже в 1942 году, — изысканные и загадочные чёрно-белые акватинты переложены тонкой калькой. До этого времени лишь знали о существовании выдающегося художника и необычного человека со сложной судьбой — Александра Александровича Алексеева, теперь увидели его работы и увлеклись им. Диск с его иллюстрациями к Андерсену щедро передали нам сотрудники издательства «Вита Нова», и мы смогли в книге «Сказки Андерсена и четыре русских художника-иллюстратора» 2010 года опубликовать весь цикл с согласия дочери художника Светланы Алексеевой-Рокуэлл, с которой вступили в переписку. Спустя четыре года петербургский коллекционер Марк Иванович Башмаков подарил нам это уникальное издание «Images de la Lune», экземпляр под № 43. В 2016 году московское издательство «Фортуна ЭЛ» выпустило «Лунные картинки» Андерсена в переводе с датского П. и А. Ганзен с гравюрами художника и нашим послесловием.

Так началась наша работа над постижением жизни и творчества этого выдающегося мастера. Она затянулась, ибо мы столкнулись с многочисленными ошибками, неточностями и мифами в парижских и российских публикациях. Нам помогали выяснять истину коллекционеры, библиофилы, краеведы, искусствоведы. Мы держали в руках документы, наброски, письма, зарисовки, сегодня хранящиеся в частных коллекциях и государственных архивах Москвы, Парижа, Ниццы, Швейцарии и США.

Александр Александрович Алексеев, русский художник и изобретатель, известен всемирному культурному сообществу прежде всего как основоположник нового анимационного кино с использованием изобретённого им игольчатого экрана, но и как оригинальный книжный график, экспериментатор и новатор. Его уникальные циклы иллюстраций к русской классике — «Братьям Карамазовым», «Анне Карениной», «Игроку» и «Запискам из подполья», «Доктору Живаго» — мы узнали лишь в начале XXI века: эти романы с его иллюстрациями вышли в России благодаря петербургскому издательству «Вита Нова». А оригинальные графические сюиты художника к «Слову о полку Игореве», «Пиковой даме», «Повестям Белкина» Пушкина, «Запискам сумасшедшего» Гоголя, «Рассказам и легендам» Толстого, «Русским сказкам» из собрания Афанасьева, «Дон Кихоту» Сервантеса, мистическим новеллам Э. По, стихотворениям в прозе Ш. Бодлера, сказкам Гофмана, романам Мальро — он иллюстрировал свыше 50 книг — выпускались в прошлом и нынешнем веке лишь издательствами Парижа, Лондона и Нью-Йорка и до сих пор неизвестны нашим соотечественникам.

Глава первая

Alexeïeff из рода Алексеевых

Отец

Александр Александровичу Алексееву шёл восьмой десяток, когда в Париже он продолжал с острым чувством утраты вспоминать отца и его исчезновение из их жизни, о чём он рассказал в своих «воспоминаниях петербургского кадета» «Забвение, или Сожаление». Он помнил запах отцовского мундира, колючие золотые эполеты и что-то неясно волновавшее ребёнка. Неожиданная смерть отца преследовала его всю жизнь и отразилась в творчестве.

Кто же был его отец? Вот что мы узнали. Александр Павлович Алексеев родился в 1862 году 30 августа в славном городе Оренбурге, пограничной крепости, форпосте Российской империи на юго-востоке. В 1879 году семнадцати лет от роду закончил Оренбургскую Неплюевскую военную гимназию, она же — кадетский корпус имени И.И. Неплюева, один из лучших в тогдашней России¹. Дворянин А.П. Алексеев получит блестящее военное образование — после кадетского корпуса он закончит прапорщиком 3-е

¹ Иван Иванович Неплюев (1693–1773) — гордость Оренбуржья. Адмирал, дипломат, сенатор, талантливый ученик и сподвижник Петра Первого, первый губернатор Оренбургского края и самого Оренбурга, которого до него не существовало.

Александровское военное училище в Москве, то самое, где позднее учился А. Куприн и описал его в романе «Юнкера». В Петербурге штабс-капитан Алексеев 13 декабря 1892 года принят на курсы восточных языков при учебном отделении Азиатского департамента Министерства иностранных дел, а затем — в Николаевскую академию Генерального штаба, которую успешно заканчивает в 1898 году. К этому времени он получает звание капитана. Женат на Марии, дочери оренбургского протоиерея Никандра Полидорова. Осенью 1899 года подполковник Алексеев назначен помощником старшего адъютанта штаба Казанского военного округа, коим будет состоять по 6 декабря 1901 года. Вот почему наш герой, Александр Александрович Алексеев, рождается в апреле 1901 года в Казани и будет там крещён.

25 ноября 1904 года подполковник Генерального штаба А.П. Алексеев направлен в Константинополь военным агентом вместе с семьёй. 6 декабря 1905 года Высочайшим приказом он произведён в полковники. Официальный документ свидетельствует о смерти А.П. Алексеева в Германии в августе 1906 года. Светлана Александровна писала, и не раз: её деда «направили с миссией в Германию. Откуда он не вернулся, потому что был убит турком, по всей видимости за то, что слишком много знал о Ближнем Востоке». Об убийстве А.П. Алексеева при исполнении служебных обязанностей в Германии ошибочно упоминается во многих публикациях, в том числе зарубежных.

На самом деле Александр Павлович Алексеев скончался 13 августа (по старому стилю) 1906 года от тяжёлого воспаления верхних дыхательных путей в баварском городе Бад-Райхенхалле, куда был направлен на лечение. Об этом свидетельствуют документы Военно-исторического архива. Лечащий врач Д. Плесков сообщал в докладной записке: полковник Алексеев во время посещения русских военных кораблей, возвращавшихся с Русско-японской войны с Дальнего Востока и стоящих на рейде в море, в ненастную и холодную погоду сильно простудился и заболел острым воспалением дыхательных путей. «Несмотря на неоднократные предупреждения» врача, полковник, «верный долгу службы, продолжал посещать прибывающие пароходы, что не смогло

не отозваться вредно на ходе лечения», — уточнял Плесков 8 сентября 1906 года из Константинополя. С ухудшением состояния после консилиума врачей он был отправлен на лечение за границу. 10 сентября 1906 года королевский штабной врач в отставке, королевский надворный советник Гольдшмидт, к которому 8 августа обращался за помощью больной, в заключении о смерти полковника Алексеева указывает диагноз: «Больной страдал тяжёлым катарромным состоянием лёгких, осложнённым большими бронхитадиями. Очевидно, болезнь продолжалась уже долгое время и развилась до такой степени вследствие недостаточной бережности» (перевод с немецкого, подписан бароном фон Вельсином).

А вот письмо генерал-майора И.Н. Свечина в Петербург на имя действительного тайного советника Зиновьева от 25 сентября 1906 года: «В августе текущего года скончался здесь, в Vad-Reichenhall in Bayern, военный агент в Константинополе полковник Генерального штаба Александр Павлович Алексеев. (...) С приездом сюда Алексеева болезнь его стала угрожающей жизни. Постоянно навещая больного, я, руководствуясь предупреждениями врачей, был вынужден, со своей стороны, предупредить больного как служащего и семейного человека о серьёзности его положения». По желанию Алексеева, Свечин выписал из Мюнхена православного священника и телеграфировал жене полковника о его состоянии.

Генерал стал свидетелем подписания Алексеевым духовного завещания, а под его диктовку записал телеграмму на имя императора Николая Второго. Но после кончины полковника не посмел послать её адресату и направил в Генеральный штаб. Текст телеграммы сохранился в архиве: «... Умирая, чувствую себя мало сделавшим для пользы ВАШЕЙ, обожаемый МОНАРХ, а также и пользы дорогого моего отечества, но, верьте, ГОСУДАРЬ, что вся продолжительная моя служба была направлена исключительно для блага ВАШЕГО, ГОСУДАРЬ, и России. Прошу ВАШИХ щедрых милостей к моей семье, жене и трём малолетним сыновьям, будущим верным ВАШИМ слугам. Верноподданный ВАШЕГО ВЕЛИЧЕСТВА полковник Александр Алексеев, военный агент в Константинополе». Александр Павлович имел высокие награды:

орден Святого Святослава 3-й степени и орден Святой Анны 3-й степени. Ему было 44 года (а не 37 лет, как пишет дочь художника Светлана). Было продиктовано ещё две телеграммы, где умирающий просил «всем чем можно помочь моей семье».

Остаётся только недоумевать, почему Алексеев при его зоркости к деталям, при его фантастической памяти, не помнил отца больным, тяжело кашляющим после сильнейшей простуды (он ещё и много курил). Почему ничего не знал о его болезни и к нему приходили мысли об убийстве? И даже точно не назвал город в Германии, где Александр Павлович умер и был похоронен и куда мать всё-таки съездила, уже на кладбище, и откуда приходили открытки в день памяти отца, как он сам пишет. Вот только где его могила?

Дед

Светлана Алексеева-Рокуэлл вспоминала, с каким удовольствием отец, «умевший оживить всё, о чём говорил», рассказывал ей про деда, а её прадеда Павла Ермолаевича Алексеева, героического человека, обладавшего «харизмой и красотой облика». Правда, она предполагала, что в этих рассказах-историях «много мифологии». Тем не менее мы попробуем одну из историй изложить — она полна романтической экзотики и нравилась самому художнику. Он вспоминал её, выступая на французском радио.

«В двадцать лет, — пишет Светлана, — дед отца стал топографом на службе императора Александра Второго. Его первым заданием было составление карты освоенных территорий на юге России». «Для успеха предприятия» он выучил татарский язык, целый год посвятил изучению нравов и обычаев местного населения. А потом «собрал свои блокноты, измерительные инструменты и одежду, сел на прекрасного чёрного жеребца и через огромные, продуваемые ветром степные пространства отправился на юг. Через месяц он наконец увидел вдалеке большие шатры... Когда он к ним приблизился, от шатров отделились двое всадников и, поднимая столб пыли, во весь опор поскакали ему навстречу.

— Кто ты такой? Что тебе надо? — закричал один из них на своём языке.

Павел объяснил, что едет наносить на карту их земли. Всадники проводили его к шатру вождя. Из шатра вышла молодая девушка. В руках она держала металлическое блюдо с рисом, которое преподнесла гостю. Тот, по их обычаю, зачерпнул пригоршню риса и вымыл им лицо. Изумлённая девушка побежала в шатёр, потом пригласила войти. В шатре на горе разноцветных подушек сидел местный вождь. Познакомившись с Павлом, он расцвёл в улыбке и велел принести тёплого козьего молока. Он разрешил гостю снимать карту своих земель, снабдив его едой, и поселил в одном из шатров. В провожатые дал ему свою дочь — ту самую красавицу, что встретила Павла перед шатром. Правда, с условием, что он не увезёт её в Россию.

— Попытаешься забрать её к себе, — тут вождь положил руку на рукоятку своего меча, — не видеть тебе больше России!

Отец обычно изображал, как вождь выхватывает меч из ножен и размахивает им над головой. Как и следовало ожидать, Павел и Тамара полюбили друг друга и под покровом ночи сбежали в Россию».

В Уфе, пишет Светлана, а на самом деле в Оренбурге, они поженились. В конце рассказа отец каждый раз замечал: Тамара любила сидеть, скрестив по-турецки ноги, на маленьком коврикe, который когда-то соткала и сумела захватить с собой в Россию. «После того как я впервые услышала эту историю, всегда держала у ног маленький коврик», — заключила она повествование.

Архивный документ с «Послужным списком полковника Павла Ермолаевича Алексева» свидетельствует: у него было три жены, третьим браком он женат на Прасковье Дмитриевне, дочери коллежского асессора Балабанова, с которой жил в Оренбурге в «благоприобретённом каменном одноэтажном доме». П.Е. Алексеев и его шестеро детей были внесены в дворянские книги Оренбургской губернии. Что ж, может быть, его первой женой и была дочь родовитого татарина (а может быть, башкира), названная в мемуарах Тамарой. Его жизнь, если вчитаться в сухой «Послужной список», полна кипучей деятельности и невероятных событий.

Павел Ермолаевич «происходил из солдатских детей». Он родился в 1818 году и «воспитывался в оренбургском бата-